

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ
И ВЛАДИМИР-НА-
КЛЯЗЬМЕ

Александр Иванович Герцен Новгород Великий и Владимир-на-Клязьме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25444973

Аннотация

«Недостаточно знать Петербург и Москву; для того чтоб знать Петербург и Москву, надобно еще заглянуть на то, что делается вокруг них. Около Москвы – мирный венок шести или восьми губерний, великороссийских до конца ногтей, Москва среди них покоится, как старшая в семействе; из нее берут ее племянницы и сестрицы образование, моду, ум и глупость. Довольное спокойствие овладело этой полосой, и она находится в полудремоте, предпочитая сон отцу и матери, как говорит пословица. Старые губернаторы любят назначение в эти губернии...»

Содержание

Александр Герцен Новгород Великий и Владимир-на-Клязьме

1

Недостаточно знать Петербург и Москву; для того чтоб знать Петербург и Москву, надобно еще заглянуть на то, что делается вокруг них. Около Москвы – мирный венок шести или восьми губерний, великороссийских до конца ногтей, Москва среди них покоится, как старшая в семействе; из нее берут ее племянницы и сестрицы образование, моду, ум и глупость. Довольное спокойствие овладело этой половиной, и она находится в полудремоте, предпочитая сон отцу и матери, как говорит пословица. Старые губернаторы любят назначение в эти губернии. В них никогда не бывает ни чрезмерных преступлений, ни беспримерной добродетели, ни вулканических извержений, ни опасных разливов; хлеб всегда родится довольно плохо, зато редко совсем не родится; крестьяне благочестивы, жалуются на бога за бедность,

¹ В 1841 году, во время моей ссылки в Новгород, сердясь на губернское правление и мерзкую погоду, на глупую ссылку и на глупых чиновников, я написал небольшое юмористическое письмо – «Москва и Петербург»; письмо это понравилось многим и ходило по рукам; этот успех подстрекнул меня написать другое письмо – «О Новгороде и Владимире». Рукописи первого у меня нет, второе, казалось мне, будет кстати в той книжке «Полярной звезды», в которой помещен рассказ о моей новгородской жизни. (*Примеч. А. И. Герцена, 1855 г.*)

на казенную палату за рекрутские наборы, а на помещиков никогда не жалуются вслух. Каждая из этих губерний имеет свой талант – стало, завидовать друг другу нечего, и они так же мирно и родственно стоят на одном месте около Москвы, как планеты ни минуты не постоят на одном месте около солнца. Калуга производит тесто, Владимир – вишни, Тула – пистолеты и самовары, Тверь извозничает, Ярославль – человек торговый.

Климат Москвы с ее присными принадлежит к тем вещам, которых вся характеристика состоит из отрицательных качеств: не холодный, не теплый; кукуруза не растет, яблони не мерзнут. После того как Петр I открыл возможность жить в сыром болоте, прилегающем к Балтийскому морю, нечего и доказывать обитаемость московской полосы. Я признаюсь откровенно в моей ограниченности, – не понимаю, как можно по доброй воле жить в климате восьми-девятимесячной зимы. Аскольд и Дир были единственные порядочные люди из всей норманской сволочи, пришедшей с Рюриком, они взяли свои лодки да и пошли с ними пешком в Киев. Игорь, Олег и tutti quanti², жившие на юге России, были люди со вкусом, оттого единственный период в русской истории, который читать не страшно и не скучно, – это киевский период.

Но как волка ни корми, он к лесу глядит; истинные патриоты убежали опять на север, на север Владимира-на-Клязьме и Москвы. Впоследствии и эта полоса оказалась радика-

² все прочие (*ит.*).

лам недостаточно северной. Петр нашел север почище.

Когда едешь из Москвы в Петербург, сначала по дороге деревни напоминают близость к сердцу государства; Тверь – дальний квартал Москвы, и притом хороший квартал, Тверь на Волге и на шоссе, город с будущностью, с карьерой. Но в Новгородской губернии путника обдает тоской и ужасом; это предисловие к Петербургу; другая земля, другая природа, бесплодные пажити, болоты с болезненными испарениями, бедные деревни, бедные города, голодные жители, и что ни шаг – становится страшнее, сердце сжимается; тут природа с величайшим усилием, как сказал Грибоедов, производит одни веники; чувствуешь, что подъезжаешь к той полосе земного шара, которая только сделана богом для белых медведей да для равновесия, чтоб шар не свалился с орбиты. Деревья, как-то сгорбившись, болезненно стоят на сырой и тощей земле, как волосы на голове у полуплешивого. Так вы достигаете Новгорода. От Новгорода начинаются стеариновые свечи, гвардейские и всяческие солдаты – видно, что Петербург близко. Остальные 180 верст – тот же пустырь ужасный, отвратительный, посыпанный кое-где солдатами. До Ижор, до Померанья можете присягнуть, что остается верст 1000 до большого города. И в углу этой-то неблагоприятной полосы земли на трясине между двух вод – Петербург, Петербург блестящий, удивительный, один из самых красивых городов в мире. Петр I, по русской пословице, на обухе рожь молотил. Лишь бы мне уехать на юг, я всегда буду восхва-

лять как дивную победу над природой – Петербург. Три градуса вверх начинается здоровый север, три градуса вниз начинается умеренно дурная полоса, в которой Москва; промежуточные шесть градусов при приятном соседстве моря и всяких вод, речных, озерных, болотных, лечебных и ядовитых, при восточности положения, при близости Зимнего дворца, восьми министерств, трех полиций, святейшего синода и всей августейшей фамилии с немецкими сродниками, составляют полосу вечной сырости, нравственной и физической изморози, душевного и телесного тумана. Петербург... находится между Олонецкой и Новгородской губерниями. Олонецкая губерния отстала от Иркутской, Иркутская не отстала от Новгородской. В Олонецкой губернии разбросанные по скалистой земле и между лесами деревни совершенно разобщены; есть села, к которым никаких нет дорог, кроме тропинок. Новое изобретение колес не везде известно в Олонецкой губернии, и они таскают тяжести волоком. Петрозаводск – место вроде Березова, ему дали сибирские права, чтоб заманить служащих. И все это возле Петербурга. До границы Олонецкой губернии от Петербурга верст 200, не больше. Новгородская губерния дальними уездами не далеко ушла от Олонецкой. Об ней еще нельзя судить по большой дороге. Дикость, бедность земли, которая никогда не родит достаточно хлеба для прокормления, и к тому еще военные поселения.

В Новгородской губернии есть деревни, разобщенные лу-

жами и болотами с целым шаром земным, к ним ездят только зимой. Этими болотами и этой грязью защищались новгородцы некогда от великокняжеского и великоханского ига, теперь защищаются от великополицейского. В эти деревни поп ездит раза три в год и за целую треть накрещивает, навенчивает, хоронит... При зимней дислокации солдат по уездам какая-то рота попала в одну из этих моченых деревень; пришла весна – нет роты, да и деревни не могут найти, – хлопоты, переписка, съемка кланов; по счастью, лето продолжается месяца три, в октябрьские утренники является рота, она была за непроходимыми топями.

Да, нечего сказать, Петербург не разлил жизни около себя и не мог, наоборот, почерпнуть жизненных соков из соседства; и в этом опять его трагический характер. Петербург все сжимается, лепится, сосредоточивается около Зимнего дворца, даже в самом городе так. Много толковали о том, что в Москве огромный дом, а возле него хижина; но надобно вспомнить, что эти дома разбросаны на сорока верстах везде. Не угодно ли в Петербурге мерою две версты отойти от Зимнего дворца по Петербургской стороне – какая пустота, нечистота! Все действие Петербурга на окружающие места ограничилось тем, что он развратил Новгород и, начавши собою новую непонятную Русь, придавил все древнее в самом месте зародыша.

Владимир относится к Москве так, как Новгород к Петербургу. Владимир был столицей, велик и славен, как можно

было быть великим и славным на Руси. Задушенный татарами, он уступил Москве, пошел к ней в подмастерья, когда она села хозяйкой всяким пронырством и искательством; но он сохранил в своих воспоминаниях былую славу, помнит Андрея Боголюбского и древность своей епархии. Что-то тихое, кроткое в его чертах, осыпанных вишнями. Москва любила таких не слишком удалых соседей и помощников, и между ними завязалась искренняя, дружеская связь; что было лишней крови, Москва высосала, и отставной столичный город, как истинный философ или как грузинский царевич, довольный тем, что осталось, – хотя и ничего не осталось, кроме того, чего взять нельзя, – ничего не хочет, ничего не усвершенствует, строго держится православия и не заслуживает брани, может, потому, что и похвалить не за что. И Новгород был столицей, и поважнее – он был республикой, насколько можно было быть республикой на Руси. Душить его принялись мастера не татарам чета: два Ивана Васильевича да один Алексей Андреевич. Татары народ кочевой, ни в чем нет выдержки: придут, сожгут, оберут, разобидят, научат считать на счетах, бить кнутом, а потом и уйдут себе черт знает куда. Нехристи и варвары. Православные Иваны Васильевичи, особенно последний, принялись за дело основательнее. Память вышиб своей *долбнею* царь Иван Васильевич из новгородцев, а долбня эта осталась и хранится в соборе; Вельтман писал книгу о «Господине нашем Новгороде Великом» и плакал от умиления, встретившись нечаянно на

улице с Ярославовой башней. Я не плакал о господине-слуге, а не раз содрогался. Здания, пережившие смысл свой, наводят ужас, когда вы спросите об них новгородца, выросшего и состарившегося здесь, и он вам ответит: «Говорят, еще до Петра строено». Софийский собор стоит на том же месте, а против него губернское правление с какой-то подъячески осунувшейся фасадой. В соборе хранится, как я сказал, долбня, а в губернском правлении в золотом ковчеге – записка Аракчеева к губернатору о убийстве его любовницы.

Как Новгород жил от Ивана Васильевича до Петербурга, никто не знает; вероятно, корни гражданственности были и не глубоки и не живучи, вероятно, сам Новгород ужаснулся греху торговать с Ганзою и не слушаться указов. Грязный, дряхлый и ненужный стоял он, пока Петербург подрастал, обстроился; но в нем не осталось ничего старинного русского и не привилось ни одной капли европейского; нравы Новгорода представляют уродливую и отвратительную пародию на петербургские. Нравы Петербурга могут быть сносны только в этом вечном вихре, шуме, стуке, треске, при новостях, театрах, пароходах, кофейных и иных увеселительных заведениях. Бедный и лишенный всяких удобств Новгород невыносимо скучен. Это большая казарма, набитая солдатами, и маленькая канцелярия, набитая чиновниками. Нет общности, подъячие по-петербургски держат дверь на ключ и не сходятся. Немного смешное гостеприимство подмосковных губерний имеет всегда какую-то

бономию; цинический эгоизм новгородцев поселяет отвращение. Тут в первый раз приезжающий из внутренних губерний может узнать, что такое петербургский чиновник, *species petropolina, ministerialist*³, это махровый чиновник, далеко оставляющий за собою мелких плутов, уездных и губернских.

В Новгороде каждое неосторожное слово может навлечь бедствия; Петербург научил *si-devant*⁴ республику наушничать. В губерниях подмосковных говорите что хотите, разумеется, не поймут, коли дело скажете, но и не донесут: «Мы де дворяне».

Иваны Васильевичи долбили собственно город; но как наш век желает приобщить к муниципальным выгодам и земледельцев, граф Аракчеев решился распространить благодеяния Иванов Васильевичей на всю губернию. Средство, им избранное, было гениально – военные поселения. Заставить пахать землю по темпам, уверить мирного мужика, что он грозный воин, разрушить семью и деревню и водворить казармы в целую волость, и все это легким и простым средством – засекая десятого мужика до смерти и всех остальных степенью меньше. Жаль, что смерть Анастасии помешала графу очень много, а потом немножко смерть императора Александра окончить богоугодное дело.

Странная судьба Новгорода – в его истории два имени

³ вид петропольский, министерский (*лат.*).

⁴ прежнюю (*фр.*).

не забыты, оба женские: Марфа Посадница и Настасья Наложница; обе обрушили на Новгород невыразимые бедствия. Первая – жизнь, вторая – смерть. Москва радовалась смерти первой, Петербург плакал о второй!

Новгород 1842 года.